

ГЛАВА 1

— Эй, пацан, купи птичку!

Скоротать время до поезда, гуляя по рынку, было не лучшим решением. Когда я это осознала, уже лавировала среди покупателей, а ноги все дальше уносили меня по рядам вдоль железных навесов с турецким и вьетнамским барахлом. За покосившимися воротами, выкрашенными серой облупившейся краской, раскинулась «толкучка», типичная для всех малых городов нашей необъятной родины. Как будто я никуда и не уезжала. Со всех сторон летели предложения купить, посмотреть, примерить («У меня есть ваш размер — пятьдесят второй, точно ваш, говорю!»).

— Ну купи. Ты ж в академию собираешься поступать? Магом хочешь стать, да? Магу обязательно фамильяр нужен. Без этого никак. Купи птичку, пацан!

Я остановилась, пригладила коротко остриженные волосы, которые в этом явно не нуждались, подтянула повыше молнию на толстовке — что ж, пацан так пацан, мне не привыкать — и, чуть отойдя с прохода, развернулась. Передо мной стоял тощий белобрысый тип в джинсе. Левую руку он держал перед собой на весу, рукав куртки был обмотан веревкой, на которой восседал солидный черный ворон. Ничего себе птичка, отметила я и, стараясь придать голосу как можно больше вежливого безразличия, поинтересовалась:

— Почему вы решили, что я собираюсь поступать в академию?

— А чего незнакомый шкет в нашей дыре делать может? — усмехнулся тот. — Только транзитом ехать. А куда вы все отсюда транзитом едете — в Питер, в академию поступать. Ну так что, фамильяра себе брать будешь?

Ворон наклонил голову и оценивающе посмотрел на меня, как если бы это он решал, стану я его владельцем или нет. Я с удивлением отметила, что глаза у него были не черные и даже не карие, а голубые. Признаться, эти глаза меня и подкупили. Они были осмысленные, почти человеческие.

— Сколько? — небрежно уточнила я.

Белобрысый назвал сумму.

— Сколько?! — возмутилась я.

Ворон стоил ровно половину имевшихся у меня при себе денег. Когда я это воскликнула, пернатый окатил меня презрительным взглядом, растопырил крылья и распушился, став похожим на шар. Я не выдержала и расхохоталась.

— Если берешь, могу сделать скидку, — уверил продавец.

Ворон надулся еще больше, оттопырил бороду из перьев и совершенно по-человечески ссутулился. Глаза у него стали тоскливые. От пернатого повеяло такой безысходностью, что я подумала: чего ты жлобишься, Твардовская? Что ты выиграешь с тех денег? Ты эти деньги все равно проешь, а птичку жалко — сколько его уже так по рынку таскают.

— Беру, — согласилась я.

Ворон сдулся, сложил крылья и распрямился. В его голубых глазах сверкнул неподдельный интерес.

Когда деньги перекочевали в нагрудный карман куртки белобрысого, тот снял с рукава веревку и велел мне:

— Руку давай, намотаю. Он хитрый и сильный как черт. Начнет вырываться — сразу бей промеж глаз. Мышей и лягушек не жрет, рожу воротит. А так смотри, какой красивый. — Парень обмотал веревку вокруг моей руки и, бесцеремонно схватив ворона за ноги, водрузил его сверху. — Владей, пацан. С таким фамильяром все девки твои будут. Сразу видно — настоящий маг.

С этими словами белобрысый растворился в лабиринтах рынка, а мы с вороном остались. Птица посмотрела на меня даже не с презрением — со смесью жалости и злости. Интересно, сколько я так выдержу его нести, подумалось мне. Весил пернатый не меньше двух килограммов. Ворон еще раз смерил меня взглядом и сделал несколько поступательных движений, переминаясь на лапах и точно готовясь к рывку.

— Тебе тоже неудобно, да? — глупо спросила я и похлопала себя по плечу свободной рукой. — Хочешь, иди сюда. Иди. Садись.

Ворон издал явно неодобрительный звук и распахнул крылья. Ну все, мимолетно пронеслось в моей голове, сейчас попытается улететь. Но пернатый не улетел, а действительно перебрался мне на плечо и потоптался там, устраиваясь поудобнее.

— Вот умница, — похвалила я, ощущая всю нелепость момента: я разговариваю с птицей, которая вряд ли мне ответит.

Наверное, надо установить с вороном контакт, подумалось мне. Но как? Дать ему понюхать руку, как кошке или собаке? Так он птица. Погладить его? Вдруг как клюнет — клюв у него был выдающийся.

— Хорошая птичка, — напряженно пробормотала я и поплелась к выходу.

Чем ближе я подходила к облупившимся воротам, тем шире становился ужас в моей душе. Под солнечным сплетением заворачивался тугой узел, а к горлу подступил горячий комок. Ладно деньги, бог с ними, с деньгами. Мозг уже успел просчитать, сколько я продержусь на чае и растворимой лапше. Но чем кормить ворона? Мышей и лягушек, как было сказано, он не жрет (да и где я их возьму, тех мышей и лягушек?!). Пустым чаем тоже вряд ли будет сыт, физиология у него другая. Его нужно кормить, и, возможно, даже по расписанию. Его нужно содержать. Ему могут

понадобиться клетка, переноска... Ему же надо будет где-то летать. У меня была собака, родственники держали кошек, но птиц не водилось ни у кого из моего окружения. Даже волнистых попугайчиков. А тут — целый ворон.

Ворон сидел на удивление смирно и попыток улететь не предпринимал. Наверное, тоже привыкает и присматривается, подумалось мне.

— Ты красивый, — пробормотала я, чтобы отвлечься от грустных мыслей. — Черный. И глазки у тебя красивые. Голубые.

Впрочем, это меня не спасло. Следующее фатальное озарение случилось, когда я покинула рынок и свернула на ведущую к вокзалу улицу. Я вдруг осознала, что на самом деле означает строчка из песни Высоцкого: «Жили книжные дети, не знавшие битв, изнывая от мелких своих катастроф». Тебе кажется, что ты изведal все на свете, что ты знаешь жизнь. Вот только это жизнь со страниц книг. Жизнь, которая если и существовала, то у кого-то другого. Это мертвое знание, ни разу не испытанное тобой на практике. Вот, например, что я вообще знаю о фамильярах? Это было знание по умолчанию: у мага может быть фамильяр. Но как с ним обращаться, чтобы он был полезен? Как вообще строится взаимодействие мага и его фамильяра?

Пока я не приобрела этого ворона, купившись на его голубые глазки, информация о фамильярах была для меня примерно такой же общей, как сведения о географии Австралии. Где-то на карте есть Австралия, в ней такой-то климат и такие-то города. Я это знаю, я молодец. В мире есть маги, у магов есть фамильяры, это всем известно, мне тоже. Я опять молодец. Вот только делать-то теперь что? Возможно, в академии этому учат, а возможно, что и нет.

— Ты хороший, — вздохнула я, обращаясь к ворону, поскольку больше мне ничего не оставалось. — Я не буду тебя бить.

Мне захотелось сесть на асфальт прямо посреди улицы и горько заплакать. У меня больше нет значительной суммы денег, у меня есть птица, которую нужно чем-то кормить, мне еще надо добраться до Питера, как-то там устроиться. Ладно, разрешила я себе, доберусь, устроюсь, а потом обязательно сяду и заплачу. Прямо даже зарыдаю.

Третья волна отчаяния накрыла меня на крыльце вокзала.

— А меня с тобой туда пустят? — Я повернула голову и смерила ворона взглядом. — Блин, и документов-то у меня на тебя нет...

Ворон неуверенно перемялся с ноги на ногу. Ужас и безысходность захлестнули меня с головой: при мне не было ни документов на ворона, ни ветеринарного свидетельства, ни переноски, в которую его можно было поместить. Выход оставался только один. Я принялась сматывать веревку с руки.

— Сейчас я тебя развяжу, — стараясь, чтобы голос не дрожал, сообщила я ворону, — и ты будешь свободен. Можешь лететь куда угодно. В поезд меня с тобой все равно не пустят, кормить мне тебя нечем, мне и себя-то скоро будет нечем кормить... Не дергайся, пожалуйста, сейчас освобожу твою лапу.

Собравшись с духом, я как можно аккуратнее взяла ворона поперек туловища и пересадила на перила. Пернатый даже не трепыхнулся, хотя я ожидала, что он начнет биться в моих руках и орать дурниной. Мне было жутко оттого, что я могу ему что-то сломать — он же птица, а у них очень хрупкие кости, — и одновременно оттого, что он может наброситься на меня.

— У кого такая хорошая лапка? — Втянув голову в плечи, я принялась развязывать узел у ворона на лапе. — Сейчас мы тебе лапку развяжем. Кто хороший? Ты хороший. Вот молодец, послушная птичка...

Я смотала веревку и, отвернувшись, швырнула ее в урну у подножия лестницы. Когда повернулась обратно, ворон

по-прежнему спокойно сидел на перилах, хотя я искренне надеялась, что он сбежит, теряя перья от радости.

— Мне казалось, ты понимаешь по-русски, — с нажимом сказала я. — Давай, улетай. Все, ты свободная птица. Давай, пошел отсюда. Ну, чего расселся? Кыш! Брысь!

— Ты даже не пытаешься найти решение. Нет, путь наименьшего сопротивления — это не решение. Маг ты или где?

— Че-го? — вздрогнула я. — Какой маг?

— Ты, если я верно понимаю, собираешься поступать в Санкт-Петербургскую академию магических искусств, — хорошо поставленным, правда, слегка скрипучим голосом ответил ворон, — значит, хоть какие-то задатки мага у тебя должны быть. При этом ты вообще не даешь себе труда подумать головой.

— Ты говорящий, что ли? — Кровь стремительно прилила к моему лицу.

«У кого такая хорошая лапка?» «Послушная птичка». «Глазки у тебя красивые». Волна ужаса отступила, дав место волне жгучего стыда. Все это время я сюсюкалась не просто с разумным существом, а с магическим созданием, равным мне по интеллекту, если не превосходящим меня.

— Я, в отличие от некоторых мальчишек, головой все-таки думаю, а не только в нее ем, — ехидно отозвался ворон. — Поэтому не кричу направо и налево о своих способностях. Если бы тот тип, который меня тебе продал, знал об этой моей особенности, то не пытался бы сбыть меня с рук детишкам вроде тебя. Он решил бы продать меня профессионалам, а я с ними никаких дел иметь не хочу.

— Я не мальчишка! — с вызовом бросила я и, вновь пригладив волосы, добавила: — Я Женья.

— Все Жени, которых мне доводилось знать, были самыми настоящими мальчишками. — Ворон изогнул шею, наклонил голову и принялся меня рассматривать. Насмотревшись вдоволь, скомандовал: — Забирай свои вещи из камеры хранения. Подожду тебя тут. Потом пойдем есть.

— Откуда ты...

— Помимо того, что мне свойственно думать, — начальственным тоном перебил он, — мне также свойственно рассуждать логически. Даже у самого нищего студента имеются хоть какие-то личные вещи. Иди уже, не заставляй меня ждать, я проголодался.

С этими словами пернатый оттолкнулся от перил и, тяжело взмахивая крыльями, полетел в направлении крыши вокзала.

— Скажи, что ты ешь? — спросила я, когда вышла из здания вокзала с дорожной сумкой и рюкзаком, а ворон молниеносно спикировал мне на плечо.

— Любую человеческую пищу, — ответил он. — С некоторых пор предпочитаю этот ваш фастфуд. Он удобный и калорийный.

— Значит, пойдем за фастфудом, — согласилась я.

Нам нужен ресторан быстрого питания, мысленно проговорила я в пространство. Не шашлычная, не придорожное кафе «Мечта дальнобойщика», а нормальный сетевой ресторан, с комбо-наборами и туалетом. Например, «Вкусная точка» или «Курочкин дом». «Вкусная точка» в этом городе точно должна быть.

Под солнечным сплетением будто сформировался золотой шар и, отделившись от меня, выкатился на асфальт. Ноги сами встали на путь, а перед внутренним взором развернулась четкая объемная схема уже виденных мной улиц и слегка размытая, как в тумане, — прилегающих к ним путей, где я еще не была. Дома привычно выступали на меня, загораживая путь, если я шла не туда, и расступались, маня за собой, если я двигалась верно.

— Ты собираешься в академию, — тем временем обратился ко мне ворон. Тон у него был покровительственный и слегка развязный. — Позволь узнать, чего ты умеешь?

— Ну, я с детства мечтала в нее поступить...

— Я не спрашиваю тебя, о чем ты мечтала, — жестко перебил он. — Я спрашиваю: чего ты умеешь?

— У меня высшее педагогическое.

— Я думал, ты сильно младше... — пробормотал ворон и тут же возмущенно отрезал: — Это никому не интересно. Поступая в академию магических искусств, ты попадаешь в другой мир. Все прежние человеческие заслуги там не считаются. Конечно, если ты уже умеешь учиться, это тебе поможет, но не сильно. Я в третий раз повторяю свой вопрос: что ты умеешь?

— Рисовать, — робко ответила я, — стихи пишу, прозу...

— Педагогический ты, наверное, окончила с красным дипломом? — с равнодушным холодком в голосе поинтересовался пернатый.

— Д-да.

— Понятно, — сухо констатировал ворон. — Провинциальная девочка с железной задницей, придумавшая себе мечту. Девочка, не задница, хотя последнее многое бы объяснило. Судя по имени и образу, родители хотели сына, но родилась дочь. Всю жизнь доказывала, что она хорошая и ее тоже можно любить. Привыкла добиваться всего смирением, усердием и дисциплиной. Немножко рисует, немножко пишет, может, даже публиковалась в местных СМИ. Поняла, что в провинции у моря ее ждет в лучшем случае должность завуча, да и то ближе к пенсии, собрала волю в кулак, бросила родные пенаты и решила сорвать джекпот — поступить в магическую академию. Ну, я тебя поздравляю. Знаешь, сколько таких девочек каждый год вылетает после первого же экзамена? Мальчики с подобной биографией, впрочем, тоже не задерживаются.

— Но ты же... — Слезы сами брызнули из глаз. — Ты же не видел моих рисунков, не читал моих стихов... Ты меня вообще не знаешь... Почему ты все это говоришь?! Ты... ты вообще просто говорящая птица!

— Я, может, и птица, только в академии с тобой никто церемониться не будет, — надменно отозвался он. — Это я еще мягко выразился. Там тебе объяснят твою профнепригодность другими словами, более жесткими. Надеюсь, у тебя нет склонности к суициду?

— Ты... ты... — Слезы градом покатались по моему лицу.

— Чтобы поступать в академию и поступить, нужно иметь один из четырех даров: дар художника, дар мастера слова, дар дизайнера или дар архитектора! Дар — это не стишки в тетрадках и стенгазетах. Дар — это не художественная школа за плечами. Дар — это... — Ворон осекся и замолчал.

Я толкнула стеклянную дверь во «Вкусную точку», и мы вошли внутрь. Я поставила сумку под свободный столик, водрузила на стул рюкзак и, вытерев лицо тыльной стороной ладони, хмуро велела перепорхнувшему на столешницу ворону:

— Посторожи вещи. Пойду возьму нам поесть.

Когда я вернулась с подносом, пернатый суетливо прохаживался по столику взад-вперед. Его борода нервно топорщилась, а судя по выражению глаз, он о чем-то лихорадочно думал. Я отправила рюкзак под стол, к сумке, села и, взяв картошку, протянула ее ворону:

— Поешь, а то у тебя от голода характер портится.

Если бы у пернатого были брови, он удивленно вскинул бы одну.

— Я сама такая, — пояснила я, шмыгнув носом. — Давай, ешь.

Ворон осторожно вытянул шею и аккуратно перехватил клювом картошку. Проглотил ее, посмотрел на меня. Я рассмеялась. Взяла следующий ломтик.

— Держи еще. Может, в соус макнуть?

Ворон издал что-то похожее на «угу».

— Когда я говорила, что ты можешь быть свободен, — сказала я, скармливая ему куриные наггетсы, — я тебе

не врал. Ты действительно можешь никуда со мной не ехать. Тем более если уверен, что я все равно не поступлю.

— Нет уж, — ответил ворон, доклевав курицу, — меня продали тебе как фамильяра. Это важная часть сделки. Я еду с тобой в академию. Если ты не поступаешь, мы расстаемся. Если поступаешь, обещаю исполнять обязанности твоего фамильяра, пока жизнь не распорядится иначе.

— Какая интересная формулировка, — заметила я.

— Учись, пока я жив, — хмыкнул он. — Для мага очень важно уметь в точные формулировки. К тому же будем считать, что мне надо в академию.

— Мог бы и сам долететь, — так же ехидно ответила я.

— Мог бы, но, как помнишь, жизненные обстоятельства к тому не располагали. Раз уж я твой фамильяр, поеду туда с тобой как твой фамильяр. К тому же ты совершенная провинциальная дуреха. Давно не видел такой чистой, незамутненной простоты. Собралась поступать в академию, ничего толком не зная. Как тебе вообще выдали твой красный диплом?

— Как-то выдали, — огрызнулась я.

— Итак, на какой факультет ты собираешься поступать? — прищурился ворон.

— Буду подаваться на художника и на мастера слова, — сообщила я.

— У тебя есть что-то с собой? Рисунки? Стихи? Ты, кажется, возмущалась, что я их не видел и не имею права судить. Время пришло, показывай.

— Да, конечно, у меня все с собой, — с готовностью ответила я, начисто вытерла руки салфеткой, полезла под стол и извлекла из сумки альбом с рисунками и тетрадь со стихами.

Сейчас этот пернатый увидит, что у меня есть таланты, и признает, что он глубоко ошибался, мстительно подумала я, разворачивая пакет, в который они были завернуты. Некоторое время я листала перед вороном страницы. Взгляд

его голубых глаз стал напряженным и сосредоточенным. «Порвалась на гитаре струна, раскололась небесная твердь... — периодически бормотал ворон обрывочные строки моих стихов. — ...В этом призрачном каменном городе я нашла бы тебя по следам...»

— Убирай, — наконец выдал он и холодно резюмировал: — Вынужден тебя разочаровать, но это не пройдет. Ты крепкий график. Крепкий, но не гениальный. У тебя действительно набита рука, ты чувствуешь перспективу и объемом, но своего стиля у тебя нет. Что касается стихов, то потенциал тоже присутствует, но в той форме, что есть сейчас, можешь даже не рассчитывать на проходной балл. Может, проза у тебя получше, но тоже не факт, что близка к желаемому уровню.

Я ощутила, как во мне растет раздражение. Мне захотелось вмазать птице промеж глаз, как и рекомендовал продавец. Тоже мне, знаток искусства нашелся! Он просто говорящий ворон! Впрочем, сомнения во мне пернатый уже посеял — следом мне захотелось порвать альбом и тетрадь прямо у него на глазах. Рвать и орать: «Что, доволен? Доволен?»

— Я не сказал тебе: не пытайся, — тем временем продолжил он, пока я нарочито резкими жестами запихивала бумаги обратно в дорожную сумку. — Попытаться ты можешь. В конце концов, вдруг в этом году будет недобор на эти факультеты. Хотя я сильно в этом сомневаюсь. Но лучше ты сейчас узнаешь это от меня, чем потом от экзаменационной комиссии. У тебя нет достаточного дара художника и дара мастера слова. С точки зрения обывателя, ты, конечно, одаренная девочка, но для поступления в магическую академию этого мало.

Чтобы вновь не заплакать, я стала аккуратно собирать картонные упаковки и стаканы на поднос.

— Ты мне все планы поломал, — с расстановкой сказала я ворону, стараясь сделать вид, что предыдущего разговора

не было, хотя слова пернатого жгли меня изнутри. — Вот скажи, зачем я вообще вещи забирала? Все равно сейчас на вокзал возвращаться. Мне еще билет купить надо — прямо перед отправлением дешевле.

— Тебе не надо на вокзал, — с прохладцей ответил он. — Тебе надо на автостанцию. В течение месяца перед приемными экзаменами отсюда ходит бесплатный шаттл академии. По крайней мере, так было заведено при последнем ректоре. Этот городок — перевалочный пункт на пути к Петербургу. Здесь пересадка с большинства не прямых поездов. Поэтому тем, у кого есть желание, но нет возможностей, академия возможность дала. Шаттл отправляется через час.

— И ты молчал? — возмутилась я.

— Ждал подходящего момента, — скромно ответил ворон и повел головой в сторону электронных часов на табло над кассами. — Момент настал.

Я посмотрела на табло, сверила с ним наручные часы и встала из-за стола. «Автостанция», — четко произнесла я внутренним голосом, надевая рюкзак и поднимая сумку. Ворон вспорхнул мне на плечо.

— Так, сейчас разберемся, где тут автостанция, — по старой привычке больше для себя, чем для ворона, сказала я. У него же спросила: — Адрес знаешь?

— Расположение знаю, адреса не помню, — отозвался он и поинтересовался: — Ты здесь впервые?

— Да, а что?

Ворон не ответил, я решила, что помощи мне от него не будет, и уверенно устремила за путеводным клубком, уже вовсю радостно тянувшим меня за собой. Пока мы шли, ворон время от времени срывался с моего плеча и парил надо мной, словно что-то высматривая на горизонте, потом вновь садился на плечо.

— Ты чего? — спросила я, когда он вернулся в очередной раз, а я фактически уперлась в соответствующий указатель.

— Проверяю одно предположение, — нехотя ответил ворон. Вид у него был, как мне показалось, виноватый. — Мне надо кое в чем удостовериться.

Шаттл — белый рейсовый автобус с логотипом академии на боку — ждал даже не на автостанции, а перед ней. Господи, с облегчением подумала я, хоть контроль не проходить.

— Это ваш фамилльяр? — уточнила у меня дородная дама, контролировавшая посадку.

Я кивнула. Оказавшись у автобуса, я вдруг поняла, что у меня нет ни сил, ни желания с кем-либо разговаривать. Я в целом не очень понимала, зачем мне садиться в шаттл и ехать в академию, если ворон уверен, что я провалюсь на вступительных экзаменах. Просто ради того, что действительно пыталась? Ладно, Твардовская, сказала я себе, ты уже слишком далеко зашла, чтобы развернуться и пойти обратно.

— Документы на него не смотрю, — сообщила дама. — Если есть, хорошо. Если нет, обратитесь в приемную комиссию, вам скажут, как оформить. Проходите в салон, занимайте любое свободное место.

Я забралась в самый конец автобуса и заняла два свободных места. Сама села у окна, а на второе поставила рюкзак. Уберу, если кто-то придет, подумалось мне, но пока же очень хотелось оградиться от всех и вся, особенно в таком тесном пространстве. Когда я устроилась поудобнее, ворон потоптался на моем плече, потом крепко прижался ко мне и едва слышно прошептал:

— Прости меня, пожалуйста. Я был с тобой резок, но ты правда не художник и не мастер слова. Ты — архитектор. Талантливый и с огромным потенциалом. Подавай заявление на архитектурный факультет. Приедем — расскажу подробней.

Бок у ворона был мягкий и очень теплый, а еще я вдруг ощутила, как бьется его сердце — быстро-быстро и как

будто бы немного неровно. Боже, что он несет, вяло подумалось мне. Ладно, разберемся потом.

— Спускайся. — Я похлопала себя по коленям, а когда ворон перебрался, спросила: — Можно тебя погладить?

Ворон не ответил, только распушил перья. Выжидающе посмотрел на меня. Я улыбнулась. Пернатый слегка приоткрыл клюв и наклонил голову. Глаза у него были лукавые. Я осторожно коснулась двумя пальцами его головы и слегка пригладила перья. Ворон блаженно прищурился, а я усмехнулась и почесала его бороду. Ворон издал довольное урчание и задрал голову повыше.

— Ты хороший, — сказала я, продолжая его чесать. — Вредный, но хороший.

Ворон вновь промолчал. Автобус тронулся. Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.